

Глава 33. Тридцать третий луч света

После того как они покинули полицейский участок, история не получила продолжения.

То ли расследование инцидента на заброшенном шоссе отнимало слишком много сил, то ли власти сосредоточились на укреплении береговой линии, а может, просто погрязли в попытках вразумить граждан и научить их правильно реагировать на чрезвычайные ситуации — так или иначе, Сы Ночэна и его спутников больше не вызывали на допросы, а Цзи Сы и вовсе оставили в покое.

Они обосновались в гранд-отеле «Циндин», и их будни превратились в бесконечный цикл сна и приема пищи. Несмотря на твердое намерение сосредоточиться на тренировках в сновидениях, стоило их головам коснуться подушек, как они проваливались в беспробудное забытие, теряя счет времени.

Прошло два дня, и Цзян Цинин, этот сгусток неуемной энергии, окончательно извелся. Как истинный фанат ночного образа жизни, он привык, что даже ледяные зимние ветры не могут помешать ему выйти в море на яхте; теперь же необходимость спать по расписанию едва не сводила его в могилу.

Глядя на то, как Сы Ночэн с головой ушел в работу, растрчивая излишки сил, а Лаки засыпает за три секунды, едва открыв учебник по математике, Цзян Цинин понял: так продолжаться не может.

Он тоже жаждал обрести сверхспособности. В его мечтах он уже вел жизнь героя: сокрушал демонов, попирает злых духов, а по обе стороны от него стояли прекрасные девы — «Белый лунный свет» и «Киноварная родинка». Его воображение рисовало величественную картину: он восседает на троне победителя под восторженные крики верных последователей: «Слава Спасителю!».

От этих мыслей Цзян Цинин невольно издал глуповатый смешок:

— Хе-хе-хе...

Остальные лишь молча переглянулись.

Лаки поднял затуманенный взгляд от груды задач:

— Что это с ним?

Сы Ночэн ответил коротко и беспощадно:

— Скорее всего, окончательно деградировал.

Завершив планирование развития на целый квартал, Сы Ночэн перепоручил все дела подчиненным. В конце концов, он платил им миллионные зарплаты не за то, чтобы кормить стадо ленивых «соленых рыб». Если бы ему приходилось вникать в каждую мелочь лично, это доказывало бы не его исключительную компетентность, а лишь неумение управлять людьми.

А для человека его положения «неумение управлять» — самый фатальный недостаток.

Разобравшись с этой лавиной дел, он решил больше не вмешиваться без крайней необходимости. Если он продолжит изнурять себя сверх меры, старшее поколение семьи Сы может усомниться в выборе наследника. Люди их круга не работают с девяти до пяти.

Теперь, когда с делами было покончено, Сы Ночэн обрел достаточно времени и сил, чтобы вплотную заняться изучением мира грез.

В отличие от Цзян Цинина, который не понимал, с чего начать, и Лаки, застрявшего на пороге озарения, Сы Ночэн уже нащупал путь. Опыт пребывания в ином измерении позволил ему запомнить то странное, неуловимое ощущение.

«Возможно, вхождение в сон — это не просто сон, а... плетение собственного измерения?»

Цзи Сы не нуждался в отдыхе, но мог в любой момент сменить частоту своего существования. Если это под силу ему, то почему не под силу другим?

Наблюдая за Цзи Сы все эти дни, Сы Ночэн пришел к выводу: несмотря на ореол таинственности, тот ведет себя как человек, охотно идет на контакт с людьми, да и внешне ничем от них не отличается.

Значит, можно предположить, что в основе своей — или на определенном этапе жизни — Цзи Сы был человеком. И этот этап наложил на него столь глубокий отпечаток, что он до сих пор сохраняет человеческую природу и облик.

Впрочем, сейчас было не время для глубоких изысканий.

Сы Ночэн всегда был терпеливым и крайне осторожным охотником.

Отбросив лишние мысли, он вытащил Лаки из комнаты, и они три часа кряду избивали груши в спортзале на двенадцатом этаже. После, наскоро перекусив в буфете, они разошлись по своим постелям для дневного сна.

Шторы были плотно задернуты, в комнате царил полумрак.

Сы Ночэн устроился поудобнее, но перед тем как закрыть глаза, повернул голову к Цзи Сы, который сидел в кресле, отдыхая с закрытыми глазами.

— Завтра девятое число. Мы действительно не поедem в Линьдун?

— Нет, — спокойно отозвался Цзи Сы, чьи мысли странным образом перекликались с рассуждениями самого Сы Ночэна. — Если мне придется делать все самому, это не докажет мою силу, а лишь покажет, что я не умею распоряжаться ресурсами.

Сы Ночэн замер. Подобный образ мышления он привык встречать лишь у наследников великих кланов.

— Пророчество дано, армия на позициях. С монстрами, едва вышедшими из Врат миров, справятся и пушки. А если они проиграют... — Цзи Сы не договорил, но смысл был ясен: тогда придется сменить тех, кто занимает свои места лишь ради жалованья, на свежую кровь.

Цзи Сы слегка поднял руку. Раздался негромкий щелчок, и тусклая лампа у изголовья погасла.

— Тебе пора спать, Сы Ночэн, — произнес он. — Помни, кто ты в своем сне. Помни цель своего погружения. Помни ощущение самого измерения.

«Помни, кто ты...»

Сы Ночэн закрыл глаза.

Гранд-отель «Циндин», 16 этаж, номер 1607.

Ци Синьли одним точным движением сорвал со стены подслушивающее устройство, привычно вставил в телефон новую сим-карту и набрал номер оперативной группы.

— Все по-прежнему. Трое. «Четвертого» не существует, — доложил он, прислонившись к стене. — Я живу по соседству два дня. Сы Ночэн встает в шесть, Владимир — в семь, Цзян Цинин дрыхнет до десяти. После завтрака, который они принимают в разное время, двое других проводят какое-то время в номере Сы Ночэна...

— Маршрут неизменен: номер, спортзал, буфет. Наружу не выходят, новых машин не покупали.

— Да, у них нет намерения ехать в Линьдун.

Спустя пять минут Ци Синьли завершил разговор. Он зашел в ванную и всмотрелся в свое отражение: резкие брови, разрез глаз, напоминающий феникса, тонкие губы... Лицо было породистым и красивым, но совершенно не располагало к доверию.

«Тьфу, морока».

Ци Синьли выудил из рюкзака очки в тонкой золотистой оправе с простыми стеклами. Холодная отстраненность интеллектуала тут же сменилась деловитостью элитного специалиста. Он поправил прическу и принялся отрабатывать перед зеркалом вежливую, слегка фальшивую улыбку.

Он дождался трех часов дня.

По его наблюдениям, именно в это время Сы Ночэн обычно просыпался после дневного отдыха. Из динамика донесся едва слышный шорох шагов — кто-то медленно приближался к выходу...

Ци Синьли поднялся, поправил беспроводной наушник и взялся за дверную ручку.

Щелк!

Обе двери открылись одновременно. Ци Синьли мгновенно настроился, придав лицу выражение вежливого удивления, и посмотрел на соседа, готовый кивнуть и произнести дежурное приветствие. Однако стоило ему увидеть того, кто стоял на пороге, как улыбка застыла на его лице.

Этого человека он никогда раньше не видел.

Белоснежное одеяние, исполненное сдержанной роскоши, иссиня-черные волосы, струящиеся до самого пола. Мужчина обладал утонченными чертами лица и аурой безмятежного благородства. Он спокойно встретил взгляд Ци Синьли, едва заметно кивнул и грациозно направился прочь. В тишине коридора раздавался лишь мерный стук его посоха о ковер.

Ци Синьли оцепенел на мгновение, затем захлопнул дверь.

Тут же открыл снова, сверил номер на противоположной двери, закрыл. И так трижды.

Он следил за ними двое суток. Ни разу официанты не приносили еду в номер, никто из троицы не выносил подносов, и уж точно ни один посторонний не входил в эти комнаты.

Это шестнадцатый этаж. Сюда нельзя попасть иначе как на лифте или по лестнице. Коридор просматривался им полностью. Как этот человек оказался внутри?

И если он живет там постоянно, то почему не ест?

Питается в другое время? Исключено. Гранд-отель «Циндин», при всем своем сервисе, не подает еду глубокой ночью. К тому же Ци Синьли получил доступ к камерам наблюдения на этаже — он просто не мог пропустить появление живого человека.

Он бросился к рабочему столу и быстро ввел код, вызывая архив записей.

Ровно 15:01. Он отчетливо помнил, как открылись обе двери. Но на экране монитора был лишь он сам, глупо застывший на пороге. Вторая дверь оставалась неподвижной, словно все увиденное было лишь плодом его воображения.

— Фу-ух...

Он потер лицо дрожащими пальцами и схватил телефон.

— Капитан Чэнь, есть зацепка, — Ци Синьли тяжело дышал, на другом конце провода воцарилась тишина. — То, что я сейчас скажу... только не пугайтесь.

— Слушай, я прошел суровую подготовку. Меня ничем не напугаешь.

— Хорошо. Я видел призрака, — выдохнул Ци Синьли. — Клянусь, середь бела дня. Знаете, такой классический: в белом, с длинными черными волосами, красивый... призрак мужского пола.

— Все, отбой. Пойду еще раз на него посмотрю.

Капитан Чэнь: «Я, черт возьми, подозреваю, что у тебя в голове вместо мозгов морская вода! Я отправил тебя внедриться в группу, а не ловить галлюцинации!»

Дверь в новый мир приоткрылась, и Ци Синьли больше не хотел ее закрывать.

Потрясение от увиденного пробудило в нем азарт исследователя: ему до смерти захотелось поймать этого «духа», засунуть его в рентгеновский аппарат и изучить внутреннее строение. Что это — биологический объект, сгусток газа или нечто иное?

Вежа в науке будущего манила его!

Но Ци Синьли не спешил. Он еще раз просмотрел досье на троицу, взвесил все «за» и «против» и набрал номер старого однокашника по магистратуре...

Сы Ночэн бежал!

Тяжелый бамбуковый доспех давил на плечи, одежда насквозь пропиталась кровью, которая стекала сквозь трещины в пластинах на черную землю. Путь был усеян обломками оружия и изувеченными телами. Он пробирался сквозь этот хаос, а за его спиной неумолимо следовало чудовище: девять человеческих голов на извивающемся змеином теле грязно-пурпурного цвета.

Там, где проползала тварь, воздух наполнялся зловонием, а земля превращалась в гнилое болото.

— Хи-хи, Сянлю, Сянлю... — девять голов издевательски хохотали, преследуя его. — Хи-хи! Цзи Даосюй, куда же ты бежишь?

— Куда ты бежишь?

Зловонный ветер ударил в спину, Сы Ночэн почти физически ощутил, как ядовитая слюна капает ему на макушку. Тело сковал паралич, словно от яда, но воля к жизни лишь обострилась.

— Цзи Даосюй, Сянлю, Сянлю...

«Тварь!» — Сы Ночэн почувствовал, как в нем закипает чужая, яростная гордость. Он схватил обломок копья, используя его как опору. «Я, Цзи Даосюй, больше не отступлю! Ты погубил бесчисленное множество жизней...»

Кто такой Цзи Даосюй?

Это я? Нет, это не я.

Кто я?

Сы Ночэн сквозь слипшиеся от крови волосы вперил взгляд в гигантское змееподобное существо. Если память ему не изменяла, имя «Сянлю» пришло из «Шань хай цзин» — это был людоед, убитый великим Юем. Там, где пролилась его кровь, больше никогда не росли злаки.

Стоп. Откуда он это знает?

Словно почувствовав его обреченность, Сянлю начал расти, заслоняя собой небо. Эту

исполинскую, внушающую ужас тень он уже видел... на борту белоснежной яхты.

Подождите, что такое «яхта»?

Чувство неправильности происходящего нарастало. Он понимал, что должен помнить многое, но забыл даже то, что именно он забыл. Чудовище возвышалось над ним, девять лиц исказились в насмешливых гримасах:

— Разве не в порядке вещей демонам пожирать людей?

— Человек-сосуд един с Небом и Землей. Съесть его — значит восполнить жизненную эссенцию. Как можно упустить такую добычу? — Сяню извивался всем телом. — Пожрав достаточно, я обрету человеческий облик и постигну пять стихий. Хи-хи!

«Человек-сосуд? Пять стихий?»

Он помнил, как кто-то произносил эти слова. Кто... кто это был?..

«Имя — это самое короткое проклятие».

«Помни, кто ты...»

Шеи Сяню напряглись, готовясь к броску. Тварь молнией метнулась вниз, девять пастей распахнулись до самых ушей, обнажая частокол острых зубов, с которых летела пена.

Оно бросилось на него. Он уже чувствовал смрад его дыхания, уже видел свою неминуемую гибель.

Но именно в этот миг мир вокруг замер, превратившись в застывшее полотно. Каждое мгновение растянулось, превращая секунды в годы.

Краски выцветали, осыпаясь крыльями бабочек. Небо, земля, горы и кости — все подернулось призрачной сепией. Лишь чудовище сохранило свою яркость: алые языки, мертвенно-бледные лица, сияющая синевой чешуя.

Оно приближалось, и его омерзительный облик был виден до мельчайших деталей...

«Второй раз! Уже второй раз!» — память захлестнула его мощной волной, эмоции вышли из-под контроля. Это была ярость на собственное бессилие, гнев от того, что ему снова приходится прятаться за чужой спиной, чтобы выжить.

Заброшенное шоссе. Разрубленный внедорожник. Круг бледного золотого света.

Седовласый мужчина в лунном сиянии стоит среди глубоких разломов, словно на вершине древней обсерватории. Он сжимает посох и поворачивает голову. Один взгляд, вместивший вечность.

— Сы Ночэн...

Он окончательно пришел в себя!

В ту же секунду оковы времени рассыпались в прах. Бесчисленные золотистые нити веером разошлись от него во все стороны. Повинуясь инстинкту, возвращенному опытом двух погружений в иные измерения, он сфокусировал эту энергию в своей ладони, и она обрела форму массивного клинка.

Ведомый чистым инстинктом, Сы Ночэн нанес сокрушительный удар прямо в глотку Сянлю!

Техника была столь безупречной и отточенной, словно он практиковал ее десятилетиями... От этого странного, неопишуемого чувства по коже пробежал мороз.

— С-с-с! — из разрубленных шей Сянлю хлынули потоки крови, окатив его с головы до ног.

В следующее мгновение он почувствовал себя так, словно его окунули в кислоту. Невыносимая боль пронзила все существо, его тело начало растворяться в ядовитой крови монстра. Резкое чувство падения захлестнуло сознание, он в конвульсиях распахнул глаза и рывком сел на кровати.

Темная комната. Лампы не горят.

В кресле никого нет.

Он был весь в холодном поту, кровь в жилах буквально кипела, а температура тела казалась неестественно высокой. Сы Ночэн тяжело, прерывисто дышал. Сохраняя в кончиках пальцев остаточное ощущение из сна, он потянулся, чтобы включить свет.

В следующую секунду —

Бум!